

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ П. А. РЫМКЕВИЧА.

1. Да здравствует Кресп Астр!

Громадная площадь перед «Дворцом Знания» была полна шумной, разногласной толпой. Конные милиционеры с трудом сдерживали натиск волн человеческого моря, стараясь сохранить свободной узкую полосу мостовой, по которой один за другим быстро проносились автомобили. Машины останавливались у подъезда дворца, изящно убранного флагами и причудливо изогнутыми трубками, наполненными дрожжками волнами света.

Шел к концу пятый день грандиозных торжеств, устроенных в честь победного окончания Витанией долгой, упорной войны с другой могущественной республикой Парсом.

Тегра, столица Витании, залита морем огней, и, несмотря на то, что уже давно погас последний солнечный луч, на площади перед дворцом светло, как днем.

В воздухе реют тысячи разнообразных, ярко освещенных воздушных судов. На нижней поверхности многих из них светящимся составом наведены отливающие золотом буквы «К. А.».

Вот один из маленьких аэропланов начал быстро описывать замысловатые петли в воздухе, выбрасывая блестящую струю каких-то паров.

Отчетливо обрисовалась буква К, затем Р, Е, С...

— Кресп Астр!.. Да здравствует Кресп Астр! — прокатился гул голосов.

На балкончике «Дворца Знания» появился бледный человек невысокого роста, с усталым, но веселым и улыбающимся лицом.

— Ура!.. Ура!.. Слава великому Кресп Астру!.. Да здравствует Кресп Астр! — бесновалась толпа.

Вдруг резкий звонок заставил замолкнуть приветственные голоса.

Кресп Астр поспешно удалился с балкона.

Наступила напряженная тишина.

На особых опорах, высоко над землей, почти на уровне крыши «Дворца Знания» был натянута гигантский экран, над которым располагался рупор.

Взоры десятков тысяч людей устремились туда.

Один за другим гасли феерические огоньки, украшавшие дворец и смежные здания, дабы их свет не мешал видеть изображения на экране.

Снова раздался звонок, и на экране появилась фигура известного ученого, президента Академии Наук.

— Объявляю открытым заседание, посвященное чествованию инженера Кресп Астра, — ясно прозвучал его голос.

Высокий, несколько сгорбленный старик быстрыми шагами пересекал площадь.

Услышав слова президента, он нахмурил брови и еще ускорил шаги. Энергичным движением он предъявил какой-то жетончик милиционеру, попытавшемуся его задержать у входа во дворец, и устремился по покрытой коврами лестнице в зал заседаний.

2. Речь президента Академии Наук.

В зале заседаний, за столом, покрытым красным бархатом, восседает президиум из семи лиц.

С трех сторон высоко уходят вверх, расположенные амфитеатром, скамейки для участников торжества, получивших почетное приглашение. Кого только тут нет! Все крупные государственные деятели, знаменитые военачальники, ученые, видные литераторы, художники, представители различных учреждений и организаций... Последние ряды скамеек тонут под самым потолком; сотни фигур, сливаясь вместе, образуют как бы сплошную живую стену.

— Рут Торри!.. — прокатился шопот множества голосов при входе старика в зал.

Один из сидевших в первом ряду встал и почтительно уступил место.

Члены президиума переглянулись, и беспокойство отразилось на их лицах.

Кто же такой был старик, если его приход произвел столь сильное впечатление на участников торжества?

Выдающийся ученый и философ, обогативший человечество многими крупными открытиями, он, кроме того, получил широкую известность, как проповедник мира и заклятый враг войн. Многим из присутствовавших на заседании было хорошо памятно грандиозное революционное движение, вызванное обращением Торри к солдатам Витании во время одной из многочисленных войн, лет за двадцать до описываемых событий. Мятёж был жестоко подавлен, ученый исключен из числа членов Академии Наук, лишен профессорского звания. С тех пор Торри жил совершенно одиноко, аскетом-отшель-

ником, всецело отдаваясь науке. Но время от времени, когда старик не мог сдержать накопившегося на сердце, слышались его пламенные слова и появлялись в печати протестующие статьи. Правительство Витании боялось принимать решительные меры, зная, как велико обаяние личности ученого. Торри был слишком популярен в народе, чтобы с ним можно было обращаться, как с простым мятежником.

Только что перед появлением Торри поднявшийся на кафедру для произнесения первой приветственной речи президент Академии Наук, увидев ученого, почувствовал смущение, но быстро оправившись, начал твердым голосом:

— Был день, напоминавший мрачную ночь... Зловещие свинцовые тучи покрывали небесный свод, яростно бросали они потоки воды на прогнавшую их землю; рыдал ветер, наполняя сердца острой тоскою; где-то далеко заговорил гром, но вот все ближе и ближе грохочущие звуки и, наконец, над вашей головою раздается оглушительный залп; стальное лезвие молнии перерезывает мглу и несет с собой смерть и разрушение. И кажется, что уже никогда не придется вам увидеть ясной небесной лазури... Но что это? Как по волшебству, прекращается гром. Огненное Солнце разгоняет спешащие спастись бегством обрывки туч и воздвигает сверкающий мост-радугу.

Светлое и радостное настроение... Слава великому победителю тьмы — прекрасному Солнцу!..

— Четыре года тому назад мы вынуждены были начать войну с нашим могущественным соседом — республикой Парсом. Несмотря на героические усилия наших войск, мы медленно отступали, теснимые численно более сильным противником. И вот, в самый тяжелый момент, когда правительство было уже готово на заключение постыдного мира, появился Кресп Астр, подобный солнцу в самом разгаре грозы. И, как могучее светило рассеивает тучи, так Кресп Астр изгнал с нашей земли торжествовавшего победу врага.

Он предложил применить, как средство борьбы, изобретенные им душ-

ливые газы. Неожиданно, как снег в ясный летний день, обрушились мы на парсиан и начали химическую войну. Ничего не подозревавший неприятель был ошеломлен, раздавлен, уничтожен. Парс согласился на тяжелый для него мир.

— Празднуя победу, мы сегодняшней день торжеств посвящаем чествованию нашего спасителя. Да здравствует Кресп Астр!.. Да живет вечно его имя в памяти витанийцев!..

— Да здравствует Кресп Астр! — грянули ряды амфитеатра.

— Да здравствует Кресп Астр! — донесся мощный раскат могучего голоса толпы с площади.

И долго, потрясая своды «Дворца Знания», гремел гул:

— Слава Кресп Астру!..

Много раз раскланивался Кресп Астр перед собранием, неоднократно появлялся он на балконе — все не хотели успокоиться витанийцы.

Выждав, когда воцарилась, наконец, тишина, оратор вновь заговорил:

— Наша победа есть торжество знания над грубой физической силой! Пусть же процветает наука в Витании для блага нашей страны и на погибель врагам...

— Да будет проклята ваша наука, создавшая удушливые газы, — вдруг резко прозвучал старческий голос, переливая витиеватую речь оратора.

По залу прокатился шопот:

— Рут Торри... Рут Торри...

Один из сидевших за столом позвонил в колокольчик.

— Мы чувствуем сегодня в лице Кресп Астра не только благодетеля нашей страны, — продолжал, повысив голос, оратор, — а...

— Убийцу, — перебил его Торри.

Снова зазвенел колокольчик.

— Предлагаю, во избежание скандала, Руту Торри покинуть зал заседаний!

— Я не уйду отсюда... Я требую, чтобы мне разрешили высказаться!..

И как-будто безумие овладело присутствующими.

— Пусть говорит Рут Торри... Рут Торри... Предоставьте слово Руту Торри! — кричали одни.

— Председатель... пусть продолжает председатель... Да здравствует Кресп Астр!.. Уведите Торри!.. — требовали другие.

Скамьи амфитеатра задрожали от бури голосов. А с улицы также плыл хаос звуков:

— Торри... Слово Руту Торри... Кресп Астр... Требуем... Долой председателя!.. Пусть говорит Торри!..

Видя невозможность продолжать речь, оратор сошел с кафедры и подал знак группе милиционеров, стоящих у двери.

— Рута Торри хотят арестовать... Не смейте!.. требуем... Пусть говорит Торри!..

Сотни людей устремились вниз со своих мест. Около Торри закипела борьба. Вот его высоко подняли и понесли к кафедре.

Стоял невероятный шум. Кто-то вьрвал звонок из рук председателя и начал звонить.

— Тише... тише... Рут Торри будет говорить.

— Долой! Пусть кончает президент...

— Молчите... Тихо...

На некоторых скамьях происходила борьба — это сторонники Торри принуждали молчать его противников.

Постепенно шум стихал.

Бледный председатель встал и пытался протестовать, но, видя множество людей, окружающих президиум и недружелюбно смотрящих на него, быстро опустился на место и начал что-то шептать на ухо торопливо записывавшему секретарю.

Рут Торри стоял на кафедре.

Огнем горели острые, сверкающие глаза на обтянутом морщинистой кожей, старческом лице. И было в их взоре нечто могучее, вдохновенное и прекрасное.

Безумцы! Жалкие, слепые безумцы! — начал Рут Торри...

3. Рут Торри заговорил.

— Безумцы! Жалкие, слепые безумцы! — начал Рут Торри. И тяжело-весно, словно удары молота по накопальне, звучали его слова.

— Вы радуетесь победе над Парсом... изобретению удушливых газов. Действительно, есть чему радоваться... славное, хорошее дело... Тысячи людей не по своей воле были брошены на бойню. Инженер Кресп Астр направил на них ядовитый газ... Люди, мечтавшие у себя в окопах о скором окончании войны, о счастливом возвращении к родным семьям, очутились в атмосфере ужасных газов... Я вижу, как они мучатся, корчатся в судорогах... Изобретатель Кресп Астр уничтожил более миллиона невинных людей... Множество разлагающихся трупов, обезображенных страшными язвами... А ведь они такие же люди, наши братья... У них оставались дома близкие, родные... Подумайте об этом и громко приветствуйте вашего героя... Да здравствует Кресп Астр! Что же вы молчите?..

Старик опустил голову, вздохнул, задумался.

И, как зачарованное, молчало собрание. Молчали бледные члены президиума за своим столом, покрытым красной бархатной скатертью, молчал уходящий вверх амфитеатр, молчало море голов на площади. Там тоже с помощью радио-аппарата слышалось каждое слово ученого, и была видна на экране его вдохновенная фигура.

— Безумцы! Опьяненные победой, вы мечтаете о долгой, спокойной жизни впереди... А там, в истерзанном Парсе протягиваются тысячи рук, шлют нам проклятья и мечтают о мести... Слышите ли вы о мести?.. А разве не может появиться у них свой Кресп Астр? Он изобретет еще более сильный удушливый газ. Парсиане неожиданно нападут на нас, произведут страшное опустошение или даже совершенно уничтожат Витанию...

Ученый снова замолк, и опять было тихо и в зале, и на площади.

— Мой взор рисует кошмарную картину недалекого будущего. Беспредельные, ужасные химические войны...

Разрушенные города, целые страны, сметенные с поверхности нашей несчастной планеты... Наука и техника работают исключительно на военные нужды... Все больше и больше упадок культуры...

— Наша история более или менее достоверно охватывает период времени в полторы—две тысячи лет. О том, что было три—четыре тысячи лет назад, знаем мы очень мало. Дальше — океан неизвестного... А ведь человечество существует на Земле сотни тысяч лет. Неужели вы думаете, что культура все время развивалась непрерывно, и люди шли на пути знания только вперед и вперед?

— В природе нет ничего непрерывного, а все совершается толчками. Я убежден, что значительное развитие человеческого знания часто влекло за собою периоды застоя и упадка науки... Мы сейчас стоим близко к поворотному моменту. Нам суждено или значительно подняться наверх или снова резко упасть вниз. Химическая война повлечет за собою последнее.

— Да... Быть может, десять—пятнадцать тысяч лет назад существовали люди, обогащенные более значительными знаниями, чем те, которыми обладаем мы, но войны заставили их опуститься вниз по лестнице культуры... Кто сможет утверждать, что это не повторилось уже много раз?

— Тот говорил передо мною, прославляя науку, создавшую ядовитые газы. Я же проклинаю эту науку. Пусть гибнет она, предназначенная для минутной победы одной страны и порабощения другой!..

— Работа ученых должна быть направлена для облегчения жизни всего человечества, для покорения природы, подчинения ее нашей воле. Да служит наука для созидания, а не разрушения!..

— Пусть сотрутся границы между отдельными странами, пусть человечество образует единую общую семью и проживет мирной, счастливой жизнью!

— Я вас лишаю слова! — вдруг резко прозвучал голос президента Академии Наук, председателя собрания.

— Пусть говорит Торри!.. Долгой

председателя... продолжайте, Торри! — загремел гул протестующих голосов и тотчас же замолк, когда старик поднял руку.

Резким и неожиданным был этот переход от беспорядочного шума к полному безмолвию.

— Я верю в торжество свободной человеческой мысли, в грядущее светлое братство народов, — продолжал Рут Торри. — Я знаю, что или мы, или наши потомки добьются этой счастливой жизни...

— Уйдите же теперь отсюда! Сорвите с домов своих цветы и пестрые флаги, загасите праздничные огни... Надо плакать о загубленных человеческих жизнях, трепетать перед возможностью грядущих грозных событий... Надо бороться с войной во имя интересов единой, общечеловеческой семьи!.. Я кончил.

Рут Торри сошел с кафедры и медленно направился к выходу из зала заседаний.

В течение нескольких секунд царило гробовое молчание, затем началось движение. Одни бросились вниз, чтобы выразить свое сочувствие Торри, пожать ему руку, другие, молча, опустив глаза, стараясь не смотреть друг на друга, спешили покинуть «Дворец Знания».

Напрасно звонил председатель, прося присутствующих занять свои места и продолжать заседание, напрасно...

Толпа наиболее горячих приверженцев Торри окружила его тесным кольцом. Старика подняли и понесли на руках.

Вот торжественное шествие появилось на площади...

Люди, незадолго перед этим приветствовавшие Кресп Астра, теперь рукоплескали Торри.

— Ура, Торри!.. Да здравствует наш великий учитель!..

Многие устремились к «Дворцу Знания» и смежным, роскошно убранным зданиям и начали срывать флаги и украшения. Местами происходила энергичная борьба.

Один за другим прибывали на площадь отряды милиции и войск. Вот раз-

дался залп в воздух. Конные милиционеры оттеснили толпу...

Торри, окруженный наиболее горячими приверженцами, был уже в одной из боковых улиц. Старик попросил, чтобы его спустили на землю.

4. Морской волк.

— Пропустите меня. Мне нужно видеть ученого! — раздался около Торри чей-то настойчивый голос, и, минутой спустя, коренастый человек, с темным, загорелым лицом, прорвался через кольцо, окружавшее Торри.

Он схватил в свою громадную лапу узкую руку ученого и начал яростно трясти.

— Я так спешил... плыл на всех парах. Столько препятствий... рифы, то бишь, толпы народа... Хотел пожать вам руку... уж очень справедливо вы говорили, — бессвязно сыпал слова запыхавшийся и взволнованный незнакомец.

— Я тоже был во «Дворце Знания». Сидел, знаете, наверху... Как смог скоро выплыл из гавани, очень боялся вас не догнать... Ах, да... забыл сказать, кто я... Прис Паус, матрос торгового судна «Векс».

Рут Торри улыбнулся и ласково кивнул головой.

— Я не ученый человек, — продолжал, немного успокоившись и отдышавшись, моряк, — и никогда ничего не слышал о ранее существовавшей на Земле, но уже погибшей культуре... еще более высоко развитой, чем наша... Ваши слова навели меня на мысль... Дело в том, что месяца два назад пришлось нам стоять у острова Краутри (нынешняя Великобритания), и должен был я спуститься в водолазном костюме на дно моря, недалеко от берега. И вот нашел я там один странный предмет, металлический цилиндр, такой, примерно, длины. — Моряк раздвинул руки на расстояние 20—25 сантиметров. — Ну, взял я его с собой, но не знал, что делать. Открыть не удалось, сколько ни бился — очень твердый металл... Знаете, что пришло мне в голову, когда я услышал ваши слова? Не мог ли остаться этот предмет, как па-

— Пропустите меня, мне надо видеть ученого!..

мятка человечества минувшей эпохи?.. По окончании речи я побежал за вами... Уф... если позволите, я поплыву теперь полным ходом к себе в каюту, то есть на квартиру, где живу, и привезу «его» вам... Хотите?

И не дожидаясь ответа, моряк снова провалился через толпу, окружавшую Торри, и быстро побежал.

5. Загадочный цилиндр.

Дома! Наконец, дома, в любимом кабинете, окруженный сотнями книг и рукописей, таких близких и родных...

Рут Торри ходил взад и вперед по кабинету. Мысли его были полны впечатлениями событий во «Дворце Знания».

— Бедные, слепые кроты! Они не сознают, что стоят на краю пропасти, — шептал он. — Но, как мне убедить их, чем смогу я доказать правильность моих теорий о многих случаях упадка культуры, которые уже имели место в истории и были вызваны аналогичными причинами? Химическая война погубит все наши научные достижения.

— Можно? — раздался за дверью голос, и в комнату ворвался красный, покрытый потом Прис Паус. Он положил на стол около старика завернутый в бумагу цилиндр и, неуклюже поклонившись, устремился к двери.

Вздрогнувший от неожиданности, Рут Торри не успел что-либо сказать, как уже на лестнице раздалась торопливые, удалявшиеся шаги.

Ученый взял в руки цилиндр, рассмотрел его, задумчиво покачал головой.

— Надо исследовать. Кто знает, может быть, моряк оказался прав, и я найду здесь ценное для науки, — прошептал он.

Старик тщательно очистил цилиндр, повидимому, долго пролежавший на дне моря, от различных осадков, покрывавших его толстым слоем, и, когда, наконец, обнаружил металлическую поверхность, соскоблil с нее в стеклянную пробирку немного металла.

Из шкафа, где хранились различные химические реактивы, он брал то один, то другой. То наливал что-то в пробирку, то фильтровал какой-то раствор, то производил нагревание.

— Цилиндр сделан из платины! — воскликнул Рут Торри через полчаса упорной работы. — Вот почему он смог сохраняться в течение долгого времени.

— Конечно, он внутри полый, — доложил ученый, взвесив цилиндр на руке.

Осторожно, дабы не попортить то, что могло находиться внутри загадочного хранилища, Рут Торри начал распилывать цилиндр.

«Дз... дз...» — взвизгивала пила.

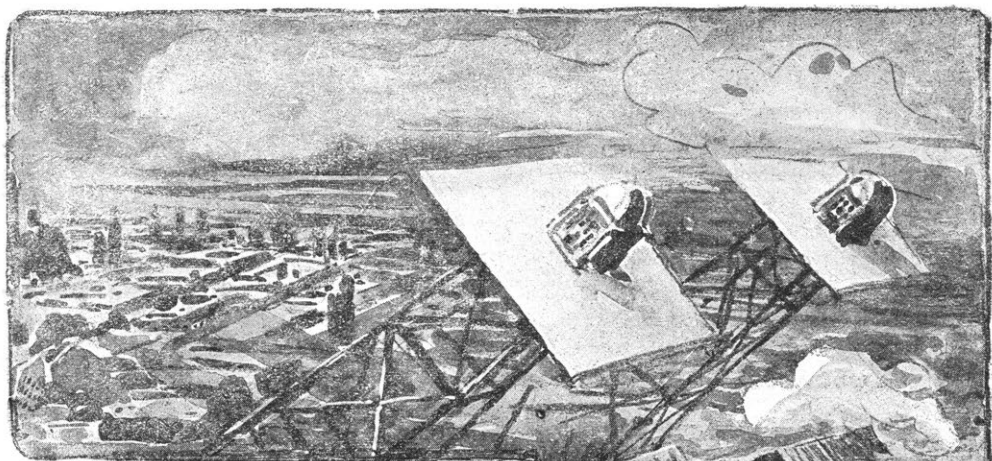
Крак! — и цилиндр распался на две половинки.

Бережно извлек ученый свернутые в трубочку листы рукописи. Несмотря на то, что они были сделаны из какого-то вещества, значительно более плотного, чем бумага, и сохранялись в герметически закупоренном платиновом сосуде, время сделало свое, и листы рассыпались от одного прикосновения старика.

Первый и второй листы обратились в труху. Третий и четвертый сохранились лучше, хотя истерлись следы написанного на них. Начиная с пятого листа, можно было различить какие-то знаки, образующие, повидимому, слова и целые фразы.

Усиленно забилося сердце ученого. Не лежит ли в его руках вестник минувшего, свидетель давно забытой культуры?

Сколько веков прошло с тех пор, как автор этой рукописи закупорил свой труд в металлический конверт?.. Восемь, а может быть десять или более тысяч лет?.. Какова судьба этого по-

слания? Быть может, оно было первоначально зарыто в землю, сердитые волны размыли берега, и цилиндр очутился на дне моря. Быть может, грозные геологические процессы извлекли это письмо из земных недр и услужливо предложили Прис Паусу, старому морскому волку.

6. Так погибла культура.

Два месяца непрерывно работал Рут Торри, разбирая загадочную рукопись. Два месяца провел он почти без сна, забывая о пище.

И вот, наконец, тайна древних писмен разгадана, и ученый может приступить к систематическому переводу.

Первые четыре листа уничтожило безжалостное время, и только пятый и дальнейшие могли служить материалом для перевода.

Вот что прочел на них Рут Торри:

«...Я изложил причины возникновения войны между Англией и Францией и историю постепенного вовлечения в нее других государств. Теперь перехожу к событиям последних дней.

«На окраине Лондона расположен гигантский аэродром, построенный еще в 1939 году. Тридцать две причальных башни для дирижаблей, высотой в 100 метров, и сто восемьдесят площадок для спуска и подъема helicopters и аэропланов.

«Все это было приспособлено для военных целей. Отсюда вылетали воз-

И увидел развалины города, покрытые густой зеленою пеленой...

душные эскадры для опустошения вражеских территорий.

«Двенадцать раз пытался наш воздушный флот уничтожить Париж, но

напрасно — столица французов превосходно охранялась. Вчера была сделана тринадцатая попытка. С нетерпением ожидали мы возвращения наших отважных летчиков... Через три с половиной часа они вернулись. Париж больше не существовал. Уже раньше Франция была почти совершенно уничтожена. Эта победа довершила ее окончательное поражение.

«Поздно ночью мы получили сигнал о появлении на востоке большой неприятельской воздушной эскадры. Наши летчики вылетели ей на встречу. Прошел час, другой — они не возвращались. В это время радио-сигнал сообщил нам о неприятельском воздушном флоте на западе. Оставшиеся в небольшом числе сторожевые суда ринулись отражать врага. Их храбрый порыв окончился неудачно. В четыре часа 40 минут утра, соединенные американская и итальянская эскадры появились над Лондоном. Это был последний день великого города. Таков, видимо, закон справедливости.

«Я люблю свой родной город. Серый, туманный, холодный Лондон близок моему сердцу. Я здесь родился, здесь и умираю... Впрочем, я еще жив, но уже близится неизбежный конец...

«Мысли беспорядочно суетятся в моей голове. Я, кажется, начинаю терять рассудок...

«Ах, да... надо описать, как это было...

«Я находился на вершине причальной башни № 17 и отправлял радио-депешу союзникам, когда раздался первый оглушительный взрыв.

«Неприятельский воздушный флог находился на громадной высоте. Он, вероятно, состоял из автоматов-аэропланов без летчиков, управляемых с большого расстояния электро-магнитными волнами... С воздушных судов автоматически сбрасывались снаряды, начиненные обращенным в жидкость, ядовитым газом, обозначаемым на войне знаком «2 X».

«Никакие предохранительные маски, надеваемые на лицо, и даже целые костюмы не могут спасти от разрушительного действия ужасного газа. Он проникает через мельчайшие поры тканей

и несет людям мучительную смерть. Трупы умерших раздуваются и покрываются зеленоватыми язвами.

«Мне приходилось раньше видеть погибших таким образом французов... А там, в Вестендэ лежат в таком же ужасном, обезображенном виде моя жена и обе малютки... Еще вчера, уходя на дежурство, я держал их на руках... Слезы душат меня. Я не могу писать. Впрочем, и меня ждет та же участь...

«Под влиянием газа «2 X» все металлы окисляются, за исключением платины и еще нескольких. Я не химик и не знаю состава газа, но особенно меня поражает это то действие, которое он производит на почву. Земля размягчается и обращается в жидкую кашу. Фундаменты вследствие этого разрушаются, что влечет за собою разрушение всех построек.

«Газ покрывает землю слоем в 10—12 метров, но ведь от него нельзя спастись в верхних этажах зданий... Люди гибнут или раздавленные разрушающимися строениями, или их мучительно убивает газ.

«Через несколько минут после услышанного мною первого взрыва, начали падать снаряды и на наш аэродром. Со страшным треском падали массивные причальные башни. Зловеще затряслась и начала падать и моя башня. Я потерял сознание...

«Когда я очнулся, то оказалось, что я лежу в углу своего помещения, придавленный массивным столом, где стояли радио-аппараты, большинство которых было поломано и разбито.

«Потирая ушибленные места, я поднялся и с трудом дополз по полу, принявшему наклонное положение, к окну...

«Я увидел развалины города, покрытые густою зеленой пеленой. Внимательно оглядевшись, я понял причину своего временного спасения. Падая, башня встретила своей нижней частью препятствие в груде обломков от разломанного ангара, и задержалась, приняв наклонное положение.

«Лестница для спуска вниз сплюснута. Я очутился пленником на высоте 45 метров от поверхности земли. Ужасные газы не доходят до этой высоты,

и я временно сохранил жизнь... Но моя гибель — вопрос времени. Башня трещит и вздрагивает... Скоро конец.

«Что-то заставляет меня писать. Я хочу оставить свои записки людям грядущих поколений. Пусть знают они, как погибла культура во второй половине 20-го столетия.

«В результате ужасных войн человечество опять вынуждено будет вернуться назад на несколько тысячелетий... Мне отчего-то вспоминается миф об Атлантиде. Не повторяется ли история?..

«Подумайте только... Мы были нака-

нуне совершения полетов на другие планеты, накануне искусственного превращения элементов...

«У меня опять кружится голова... Зеленые, страшные трупы жены и милых малюток стоят перед моими глазами... Я не могу больше писать... Проклятие начавшим эту бойню!..».

На этом месте письма прерывались. Далее шло несколько строчек совершенно стертых знаков.

Рут Торри схватился за голову. Крупные слезы катились из его глаз.

Было тихо. Узкий серп Луны загадочно улыбался на небе...

